

РУБЕЖИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

А.С. Апевалов

СПЕЦИФИКА ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема истинности исторического знания с точки зрения различных философских подходов, определены отношения субъекта и объекта истории, рассмотрен концепт релятивизма и релятивности исторического познания, раскрыты понятия исторического мифа и мифологического сознания.

Особое внимание занимает проблема истинности в истории. В современной философии истории она определяется двумя обстоятельствами: природой исторического знания и познания, и, существенными изменениями самой категории «истина» в философии и методологии науки XX в.

Ключевые слова: философия, истина, история, историософия, познание, миф, знание, понятие, категории, методология.

В исторической науке трудно установить четкие границы между описанием и объяснением, историк одновременно отвечает на вопрос «что», «как» и «почему». Соответственно, «когда историк предоставляет описание определенных действий, определенных исторических событий, то его описание уже объясняет их, поэтому часто историкам и не нужно отдельно ставить вопрос об объяснении»¹.

Особое внимание занимает проблема истинности в истории. В современной философии истории она определяется двумя обстоятельствами: во-первых, природой исторического знания и познания, во-вторых, существенными изменениями самой категории «истина» в философии и методологии науки XX в.

Теоретическая история, как и теоретические дисциплины в других науках, выполняет в историографии подобные функции, а именно: осмысление процесса развития объекта исследования, методов его познания, формирование научных знаний и их социальной значимости.

Важным отличием методологии истории от философии истории является умственное конструирование гипотетической модели содержания и способа развертывания человеческого бытия, от историософии — поиском ведущей идеи раз-

вития определенного общества, от исторической социологии — сосредоточенности на выявлении постоянных и переменных элементов общественных структур.

Методология истории предусматривает выделение и теоретическое осмысление таких главных элементов исторического познания:

- 1) объекта и предмета изучения;
- 2) субъекта познания (историка), методов и логики его исследовательской деятельности в процессе создания исторических знаний;
- 3) исторических знаний, их структуры, адекватности относительно реальности, социальной значимости.

В рамках данной статьи нет необходимости подробнее касаться проблем методологии истории. Однако не лишним будет отметить, что историки разных эпох в своей работе руководствовались определенными, преимущественно господствующими, представлениями о предмете своего опыта и назначении его результатов. Так и в наше время — часть историков продолжают распространять иллюзии о «совершенно новой, объективной» истории народа или государства, которую можно написать в условиях отсутствия «идеологического диктата».

Действительно, после десятилетий господства в отечественной (советской) историографии официальной методологической доктрины (марксистско-ленинского учения) открылись благоприятные перспективы свободного выбора каждым иссле-

¹ Никифоров А.Л. Специфика описания в истории и социальных науках // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 3. С. 107-120.

дователем соответствующей его знаниям, опыту и идеологическим или политическим взглядам методологической ориентации.

Однако на деле наблюдаем в историографии новые попытки «загнать» историков в узкие рамки «государственной» или «национальной» методологических доктрин, жестко подчинив исторические знания политической или идеологической конъюнктуре. Не ставя под сомнение необходимость «подкрепления духа словом», а в государственных стремлениях — соответствующей идеологией, хотим подчеркнуть различие задач политики и идеологии от исторической науки.

Длительная история самой истории говорит о стремлении ее адептов освободиться от «крепких объятий» политики и идеологии, найти опору в более устойчивых формах общественного сознания.

Освобождение от диктата одной методологии не должно порождать стремление заменить ее другой «единственно верной». Чтобы избежать такой подстановки и выработать более объективный образ исторического мышления, мы предлагаем рассмотреть вопрос отношения субъекта и объекта истории.

Историку (субъекту познания) трудно понять, признать, а еще труднее «принять к сведению», что время его «стиля мышления» не бесконечно. Отсюда сопротивление (в основном эмоциональное) всему новому («другому»). Как исключение следует назвать профессиональный выбор — поведение Карла Поппера.

Разработанный и отстаиваемый им критический рационализм никто из его коллег так и не опроверг, а когда появился Томас Кун с его «парадигмами и революциями» (1962 г.), авторитетный философ истории нашел в себе мужество признать, что более сильных аргументов против его теории «роста знания» он не встречал.

Как рационалист, К. Поппер везде искал логику и доказательства, однако в соревнованиях с интеллектуалами эпохи НТП этого оказалось недостаточно. До того «убедительный рационализм» (как и индивидуализм) начал терять актуальность, точнее говоря, эпистемологическую привлекательность.

Касаясь этой страницы историографии, стоит вспомнить рассуждения самого Т. Куна о том, что лишь в периоде «нормальной» научной деятельности можно строго отличить науку от того, что ею не является.

Поэтому целью деятельности ученого выступает не истина (к которой так настойчиво и увлеченно апеллирует общественность ученых), а решение концептуальных или инструментальных задач.

Как отмечает Тома Кун: «С одной стороны, научное сообщество крайне консервативно в своих оценках собственной рациональности (эта консервативность — условие единства и общности), с другой, оно настроено почти всегда на полное отрицание» другой «рациональности, претендующей на решение тех же вопросов»².

Здесь, похоже, без помощи психологов и социологов действительно не обойтись, по крайней мере, без их объяснений трудно понять, почему в «спокойные периоды» ученые упорно держатся за теоретические основы, в которые когда-то раз и навсегда уверовали, при этом последовательно игнорируют объяснительный потенциал «конкурирующих» методов. Не видят в них ничего, кроме своей противоположности и порой даже не обращают внимания на противоречия между опытом и объяснениями, которые получены в рамках «веры в парадигму». Зато в период «кризиса» мучительно ищут возможности «переключений» собственных субъективных психологических структур («гештальтов»).

Таким образом, попытка создать историческое знание — это не что иное как самоутверждение, самоконтроль, самооценка. Здесь объект и субъект исследования демонстрируют свое уникальное свойство «перетекать друг в друга». Факты истории — также «дело рук человеческих», их отбирают и оценивают живые люди, исповедующие «определенную концепцию исторического развития и поэтому равнодушные к материалу своих научных построений»³.

Как отмечал К. Поппер, «историческая интерпретация является, в основном, взглядом, ценность которого заключается в его продуктивности, в его способности прояснить имеющийся исторический материал, помочь осмыслить и обобщить его»⁴.

В этом смысле историк почти полностью «принадлежит своему времени». Он способен вырваться за рамки «локально доминирующих» научных парадигм, как и идей, вкусов, присущих эпохе.

² Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 365 с.

³ Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб: Алетейя, 2001. 640 с.

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 446 с.; Т. 2. 525 с.

Независимо от собственных желаний, обречен распространять их на прошлое (или источник) и тем самым реконструировать ее (его), фактически подменяя «прошлое современным».

Таким образом, основное поле для маневра мысли, слова и дела заключается в том, что делает историк (субъект познания) это сознательно, целенаправленно или бессознательно, непроизвольно.

Собственно прояснения соотношения осознанного и латентного и дает основание для определения профессионального уровня историка. Иначе говоря, каждый раз предлагаемая реконструкция (конструкция) может не только опираться на факты, но и быть лишенной внутренних методологических противоречий, обычно слишком убедительно представленных «мало заметным» мировоззрением историка.

Далее следует отметить, что существенное влияние на формирование современных стратегий исторического познания осуществляет хаосология, или «наука о хаосе», которая находит все большее применение не только в точных и естественных науках, а также в гуманитаристике, философской и общекультурной мысли. Причем специалисты хаосологии как науки о хаосе, описывая познавательные возможности нелинейных подходов, отмечают: что хаос «не является хаосом» неконтролируемой энергии, а «теория» в теории хаоса не является на самом деле теорией в старомодном смысле слова, а скорее выступает совокупностью теоретических моделей, орудий и техник, которые позволяют понять появление непредсказуемых социальных явлений и действий⁵.

В контексте теории хаоса история анализируется как поле одновременной интерференции и конвергенции, симбиоз субъектного с объектным. Потенциал хаосологии в аспекте познания истории, на наш взгляд, существенный, ведь речь идет о формировании познавательных процедур «Динамического понимания», в котором существенным является мышление скорее в категориях моделей, чем законов, что позволяет преодолеть исследовательскую неполноту, способствует взаимодополнению знаний об исторической реальности.

Легитимизацию принципов плюрализма и релятивизма, переосмысление роли хаоса в

общественном бытии осуществляет синергетика — философско-методологическое направление, сформированное в начале 70-х годов XX в. Синергетика существенно повлияла на естественные и общественные науки, в том числе и на историю, поскольку способствовала междисциплинарному и обобщенно-теоретическому изучению тех оснований, которые составляют основу процессов самоорганизации и эволюции сложных процессов. Поскольку история — и как наука, и как учебный предмет в системе образования — относится именно к сложным системам, постольку синергетический методологический подход к ней существенно отличается от господствующего еще с XIX в. взгляда на историю, как на линейно-хронологическую упорядоченную интерпретацию источников, то есть систему документов, данных археологии, феноменов культуры в целом.

В частности, синергетическое познание истории исходит из того, что характер современного развития человечества определяют не порядок, стабильность и прогнозируемость, а наоборот — отсутствие стабильности, равновесия, сбалансированности, предсказуемости направлений развития социальной системы. Синергетика хотя и не признает цель истории, но признает одновременность как упорядочение общественного хаоса, так и появление новых его видов и форм. И так, в контексте синергизма история толкуется хотя и лишенной цели, но не смысла.

Исторический процесс рассматривается синергетикой в таком порядке, который отвергает однозначную обусловленность, запрограммированность, полную предсказуемость, придавая большое значение случайностям, которые она делает главной характеристикой бытия. Чтобы понять инертность истории, а также «возможность неожиданных событий, то есть воспроизвести открытый характер истории, нужно, как подчеркивают И. Пригожин и И. Стенгерс, признать ее фундаментальную неопределенность»⁶.

Вместе с тем, синергетическое учение отрицает возможный произвол исследования. Обусловлено это тем, что синергетика рассматривает исторический процесс как полицентрический, а центром, в зависимости от цели исследования, может выступать как общество и динамика его функционирования в целом, так и стратегия жизни отдельного человека.

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; [пер. с англ. Ю. Данилова] / Ред. В. Аршинова и др. М.: Прогресс, 1986. 431 с.

⁶ Там же.

Такой подход к событиям человеческого бытия позволяет утверждать, что история — синергетический процесс самоорганизации человеческого сообщества. Человеческое общество время от времени попадает в полосу нестабильности, достигая так называемой «точки бифуркации». Это ситуация максимального роста и одновременно преодоления хаоса, когда происходит стихийный, связанный с конфликтами, выбор дальнейшего направления развития. «Путь истории, — подчеркивает К.Г. Гемпель, — не является прямым: он пролегает через точки бифуркаций, в которых дороги разветвляются на множество возможных, но в каждый момент выбирается только одна из этих возможностей»⁷.

История в таком случае понимается как система, имеющая большой энергетический потенциал, который местами растет, местами уменьшается. Такая система всегда создает в обществе нелинейные ситуации, в которых потенциальное граничит с реальным. Наконец, в состоянии бифуркации система стремится к сбалансированности, и поэтому, ищет выход из сложившегося критического положения. При этом диапазон вариантов выхода из кризиса является широким: от усовершенствования или перехода на высший уровень, до тотального разрушения. К тому же достоверно предусмотреть, в какое из состояний вступит система практически невозможно.

Таким образом, в современном историческом познании на смену принципу причинности приходит признание как элемент причинности. Вследствие этого историческое познание приобретает такие черты моделирования исторического процесса, как «квантованный» или «импульсно-генетический» подход. В истории такими «квантами» или «генетическими кодами» являются архетипы человеческого бытия, сложившихся как в различных областях жизни, так и в разные периоды существования человечества. Несмотря на изменения условий функционирования, социокультурные архетипы постоянно воспроизводятся, являясь залогом существования каждой отдельно взятой социальной общности, народа, этнокультуры.

Это означает, что историческое познание обрывается не благодаря ориентации на описание фактов в контексте какой-то цели, и не в результате описания неопределенной суммы случайностей, а благодаря учету «кодов», т.е. архетипов

жизнетворчества человечества, которые, в свою очередь, находятся в сложном взаимодействии друг с другом.

Таким образом, теоретическую репрезентацию множественности, нестабильности, неуравновешенности современной реальности способны реализовать постсовременные исторические методологические стратегии, направленные на выявление непредвиденных эффектов — хаотичности, изменчивости, спонтанности и т.п. Переориентация парадигмы исторического познания на основе нелинейной методологии толкования общественных процессов приобретает все больший вес в деле эффективного усвоения опыта человечества, как его истории в метаисторическом измерении.

Далее важно отметить, что все исторические концепции имеют мифологический характер сознания, что проявляется как в концепции прогресса, так и в циклической концепции истории.

Для мифа нет четких границ между объективным и субъективным; причинно-следственные связи подменяются связью аналогично и причудливыми ассоциациями. «Миф никогда не является только схемой или только аллегорией, он всегда, прежде всего, символ и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и усложненно-символические слои»⁸.

Исторический миф возникает как попытка построения на интуитивно-образном уровне восприятия целостной картины вселенной, способной обобщить эмпирический опыт и дополнить его ограниченность.

Миф имеет относительность рефлексии, поскольку изначально несовместим с рационально-критическим подходом к любому явлению, предпочитая эмоциональное созвучие и субъективную убежденность.

Иллюстрацией этого является концепция культурно-исторических типов Освальда Шпенглера. В своей книге «Закат Европы» он ставит задачу раскрыть морфологию мировой истории, которая представляет собой ряд «культурно-исторических циклов, связанных с рождением, расцветом и умиранием культур». Философ сравнивает разные культуры и подает их как замкнутые в себе микрокосмы. Основная идея его работы в том, что Европа вступила в заключительный этап своего развития — этап цивилизации. С точки зрения научной логики, концепция Шпенглера не выдерживает критики. Однако его концепция является доволь-

⁷ Гемпель К.Г. Функция общих законов истории // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 80-95.

⁸ Дмитриевская И.В. Текст как система. Иваново, 1985. С. 15.

но убедительной, несмотря на то, что эта убедительность имеет не научный, а мифологический характер, ведь концепция зарождения и угасания культур связана с жизненным опытом самого автора — она является отражением собственной биографии Шпенглера⁹.

Судьба же этой книги в XX веке свидетельствует о сложности и противоречивости истории Европы в этот период. Иными словами, концепция Шпенглера отражает реальность, однако делает это не научно, а мифологически. Она раскрывает историю культуры в опыте переживания ее человеком. Она апеллирует не к научной логике, а к самоопределению человека, к ощущению собственного места и собственной значимости в истории. Шпенглер структурирует историю культуры таким образом, чтобы она стала созвучной его мироощущению. В периоды, когда его мироощущение было созвучно мироощущению европейца, книга имела фантастический успех, когда они диссонировали, то произведение становилось не востребуемым и вытеснялось на периферию историко-философских компиляций¹⁰.

Логике О. Шпенглера можно сравнить с мифологической логикой и исторической правдой обнаруженной румыно-французским исследователем мифологии М. Элиаде¹¹.

В современных историко-философских исследованиях понятие «историческая правда» понимается в двух основных ракурсах.

Первое — соответствие описываемых в работе событий, явлений, фактов действительным событиям прошлого, зафиксированным в объективных архивных источниках — документах эпохи и в печатных материалах.

Второе — соответствующие правде трактовки и интерпретации исторических событий, лиц и явлений, учитывающие полярные, в зависимости от идеологических предпочтений, точки зрения и понимание эпохи, о которой пишет автор, не допуская сокрытия «невыгодных» документальных материалов, не вписывающихся в концептуальную идею исследования.

⁹ Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 5-122.

¹⁰ Мамардашвили М. Как я понимаю философию / Мераб Мамардашвили; сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. [2-е изд., изложенное и доп.]. М.: Прогресс, 1992. 416 с.

¹¹ Элиаде Мирча. Мифы, сновидения, мистерии. / Мирча Элиаде. РефлСбук, 1996. 288 с.

Любая написанная история — это не столько то, что действительно происходило в прошлом, сколько представление автора о том прошлом. Это не столько история сама по себе, сколько авторский текст истории, знания современного человека о прошлом, как он его понимает. В исторических текстах всегда встречаются вещи, свидетельствующие о субъективности истории.

Этот факт — еще один аргумент в пользу необходимости переосмысления, переписывания истории. И этого не стоит бояться. Изменение видения через изменение контекста современной истории, из-за появления новых источников, новых знаний в смежных с историей дисциплинах меняет наше отношение к прошлому и заставляет искать новую правду истории. Иначе относиться к отдельно взятому историческому персонажу или историческому событию — объективное требование времени, а не беспринципность или приспособленчество историков.

Исторический миф так же необходимо понимать как элемент историко-духовного бытия нации. Миф — это созданное с помощью идеологической машины государства или группы интеллектуалов-политиков представление о своем прошлом, внедренное для широкой общественности. Оно включает духовный пантеон отрицательных и положительных героев истории, событий, общий исторический путь. При помощи мифов на уровне коллективной памяти сообщества формируется массовое сознание, национальная самоидентификация, отличие себя от других национальных сообществ. Исторический миф является составной частью национального мифа.

Национально-освободительное движение любого народа начинается с формулировки исторического мифа. Он, как правило, формируется в эпоху романтизма и закладывается в основу ключевых произведений национальной мысли, поэзии, прозы, искусства, историографии.

Мифологическое сознание объясняет всю действительность в соответствии с определенным мифологическим архетипом. Последний делает всю действительность осмысленной и не оставляет проблематизированных сфер. Все без исключения здесь наделяется смыслом, соответствующим этому архетипу. Нечто подобное мы встречаем и у Шпенглера, однако на место архетипа у него становится культурный прафеномен, в соответствии с которым также осмысливается вся действительность, устраняется любая ее проблематизация.

Свобода беспрепятственного движения по всему духовному пространству культуры позволит изучать явления, которые были не замеченными, с точки зрения всеобщей взаимосвязи, достигает единого первопринципа. Только в этом случае мы будем воспринимать культуру во всей ее полноте, не редуцируя в соответствии с заданной исторической или культурологической концепцией. Однако при этом не следует впадать и в другую крайность — потерю четких границ предмета, ведь отказ от универсального объяснительного принципа должен быть компенсирован более четкой определенностью цели и задач исследования.

Таким образом, можно сказать, что исторические концепции и действительно во многом воспроизводят принципы мифологического сознания. Однако это воспроизведение не является необходимым: наличие мифологических объяснительных принципов не отрицает возможности существования наряду с ними не мифологических принципов изучения, проблематизирующих истинность истории.

Истина, как отмечается в философском словаре, — универсалия культуры субъект-объектного порядка, содержанием которой является оценочная характеристика знания в контексте его соотношения с предметной сферой, с одной стороны, и со сферой процессуального мышления — с другой¹².

В классической философии оформляются две сущностно-альтернативных парадигмы трактовки истины. Одна из них основана на принципе соотношения знания и объективного положения явлений предметного мира (Аристотель, Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Дидро, К. Гельвеций, Л. Фейербах и др.). Другая — на принципе когеренции как соответствия знания имманентным характеристикам идеальной сферы: содержанию (Платон, Гегель), врожденным когнитивным структурам (Р. Декарт), чувственности субъекта (К. Юм), априорным формам мышления (Кант) и др.

Центральной в классической теории познания является проблема истины, которая разрабатывается как самостоятельная (в пределах гносеологии) тема: выяснение сущности понятий «истина» (как знание, адекватное вещам, действительности), «объективная истина» (совпадение содержания познания с предметностью явлений), «абсолютная истина» (исчерпывающее, полное, правильное

знание), «относительная истина» (частичное, неполное, ситуативно-переменное знание), «конкретная истина» (знания по определенному выделенному объекту исследования), «заблуждение, ложное представление, которое претендует на истинное».

При этом истиной или заблуждением считается соответствие или несоответствие человеческих знаний действительности, тождество человеческой мысли, имеющейся в содержании суждения относительно истины и реальности. А признаками истины считаются такие ее инвариантные (неизменные) свойства, как объективность содержания, обоснованность, убедительность доказательств¹³.

В классической гносеологии предметом изучения является процесс достижения истинного знания, способа достижения истины; структура, формы и методы познавательной деятельности. Гносеологии присущ методологический плюрализм, отсутствие ограничений и использование любых методов и приемов познания, обширное применение специальных (герменевтических, феноменологических и пр.) общенаучных (структурно-функциональный, системный, вероятностный и др.) общелогических приемов (анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование) и пр.

В неклассической философии происходит своеобразная деонтологизация истины: она лишается объективного статуса и рассматривается как форма психического состояния личности (С. Кьеркегор), как ценность (П. Риккерт), как идеальный конструкт (Н. Гартман) и др.

Неклассическая (новейшая) философия радикально пересматривает концепцию истины, делает решительный отказ от употребления этого понятия в утверждениях о плюрализме и релятивности (относительности) истины.

Так, Р. Рорти считал, что истина — это просто наиболее согласованная и «сильная теория», и никакого соответствия с реальностью для ее обоснования не требуется. К. Поппер предложил в качестве альтернативы принципу верификации принцип фальсификации: если теория не поддается опровержению, то это является доказательством ее ошибочности. В.Федотова утверждает, что истина может быть истолкована как характеристика способа обращения с объектом, т.е. как метод. Поскольку таких способов-методов может быть

¹² Новейший философский словарь / Сост. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. 896 с.

¹³ Гадамер Х.Г. Гете и философия // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6. С. 77-93.

довольно много, это делает плюрализм истины, а монополия на нее просто исключается¹⁴.

Параллельным вектором неклассической трактовки истины является позитивизм, в контексте которого истина трактуется как проблема верификации. Характерными для постпозитивизма (К. Поппер, Т. Кун, Д. Агасси, П. Фейерабенд и др.) становятся проблемы фальсификации правдоподобности научных теорий, рациональности, понимания исторического знания.

В философии постмодернизма (Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр, Х. Блум, Ж.-Ф. Лиотар и др.) проблема истинности фактически трансформируется в проблему интерпретации, поскольку за единую предметность в постмодернизме берется текст, который рассматривается как самодостаточная реальность. Постмодернисты ставят вопрос о полноте ресурсов разума в тех формах, в которых они использовались ведущими направлениями классической и современной философии. В рамках герменевтического течения современной философии (Г.-Г. Гадамер, П. Рикер, К. Аппель, Ю. Хабермас и др.) в качестве методологической основы исторического знания проблема истинности рассматривается в контексте интерпретации смысловых связей, а принцип рефлексии ограничивается методом интерпретации. По Гадамеру, герменевтика является философией «толкования»: от толкования текстов к толкованию человеческого бытия, знания о мире и бытия в нем.

Трудности получения истинного знания привели к формированию различных теорий истины:

а) корреспондентская истина — это знание, адекватное действительности;

б) конвенциалистская истина — это результат условной согласованности, соглашения ученых;

в) когерентная истина — свидетельство непротиворечивости доказательств;

г) прагматистская истина — все то, что полезно, эффективно с точки зрения его использования на практике.

В последнее время популярность приобрела информационная теория истины, сущность которой заключается в получении объективных по содержанию знаний средствами сообщения, которые предоставляет человеку «искусственный разум» как динамическая модель внешнего мира.

¹⁴ Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997. С. 173-189.

Прошлое, в отличие от современности, не поддается непосредственному, чувственному восприятию, однако оно связано с современным косвенно, оставляя свой след в нем как в субъективных переживаниях, например, в явлениях памяти (индивидуальной или коллективной), так и в объективных фактах, которые естественно объясняются как последствия прошлых событий. Это опосредованное восприятие определенным образом семиотизируется в процессе исторического исследования: оба вида явлений рассматриваются в качестве знаков другого бытия, обособленного от современности (т.е. непосредственно переживаемости реальности), но представленного в ней в заданной ею же перспективе. Историческая наука, таким образом, предполагает семиотическое осмысление (и переосмысление) прошлого¹⁵.

Научные исторические факты никогда не могут быть непосредственным выражением исторической реальности, поскольку устанавливаются в ходе наблюдения исторических источников, а не действительных актуальных событий.

Исторические первоисточники, в свою очередь, по своему происхождению не прямо свидетельствуют о событиях, соответственно, не способны отображать их во всей полноте. «В историческом источнике содержится лишь информация об объективном событии прошлого, следовательно, наличие информации о событии позволяет рассматривать в качестве факта для нас не само событие, а прежде всего информацию о нем»¹⁶.

В заключении следует добавить, что сложность ситуации историка, когда он говорит об истинности, т.е. использует слово «истина», заключается также в том, что последнее не соответствует критерию семантической однозначности (является псевдопонятием).

Так, слово «истина» имеет, по крайней мере, три антонима. Это термины «заблуждение», «ошибка» и «ложь». Термин «заблуждение» отражает метафизическую сторону слова «истина», «ошибка» — логическую его сторону, а «ложь» — нравственную. Таким образом, термин «истина»

¹⁵ Успенский Б.А. История и семиотика // Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 9-70.

¹⁶ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. 1996: Историк в поисках метода. М.: Coda, 1996. С. 5-10.

одновременно содержит в себе метафизическое, логическое и моральное значение¹⁷, что особенно важно учитывать историку, объект исследования которого всегда находится на пересечении трех аналогичных измерений познания.

Таким образом, многообразие исторических теорий и концепций, распространенных в современном мире, отражает разнообразие позиций мировоззрения. Каждая историческая теория постулирует определенную точку зрения на прошлое и человека в нем, раскрывает какой-то новый аспект этого прошлого. Она служит, одновременно, парадигмой и методом подхода к ее пониманию и объяснению. Плюрализм мировоззрения является большим достижением цивилизации. Только из разнообразия взглядов может быть «соткана» общая картина мировой истории, в которой главным актером выступает «историческая личность». Не так важно, будет ли эта картина образно-эстетической или научно-критической, главное, чтобы она всегда была гуманистической.

Весь опыт эволюции исторической мысли не противоречит тому, чтобы история была научной дисциплиной с присущими ей чертами научно-познавательной деятельности, направленной на получение научно-исторических знаний, но также оставалась плоскостью проявления творческих культурно-эстетических, литературных способностей историка.

Традиционно по отношению к историческим произведениям применялась классическая корреспондентная теория истины. В практике исторической науки это означает, что высказывания считаются истинно, если они соответствуют конкретному состоянию дел, о котором в нем говорится. Указанная ситуация является приемлемой, когда мы оперируем индивидуальными историческими высказываниями, и теряет смысл, когда обращаемся к историческому процессу в целом. Отдельные исторические высказывания способны выражать свое значение точно и полно, в то время как в сложных исторических процессах неизбежно остается некоторая неоднозначность.

Список литературы:

1. Гадамер Х.Г. Гете и философия // *Философская и социологическая мысль*. 1991. № 6. С. 77-93.
2. Гемпель К.Г. Функция общих законов истории // *Вопросы философии*. 1998. № 10. С. 80-95.
3. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // *Одиссей. Человек в истории*. 1996: Историк в поисках метода. М.: Coda, 1996. С. 5-10.
4. Дмитревская И.В. Текст как система. Иваново, 1985.
5. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб: Алетейя, 2001. 640 с.
6. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 365 с.
7. Лега В.П. Философия Плотина и Патристика: взгляд с точки зрения современной православной апологетики. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002.
8. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / Мераб Мамардашвили; сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. [2-е изд., изложенное и доп.]. М.: Прогресс, 1992. 416 с.
9. Никифоров А.Л. Специфика описания в истории и социальных науках // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2010. № 3. С. 107-120.
10. Новейший философский словарь / Сост. А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
11. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. — 446 с.; Т. 2. — 525 с.
12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; [пер. с англ. Ю. Данилова] / Ред. В. Аршинова и др. М.: Прогресс, 1986. 431 с.
13. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст*. М., 1997. С. 173-189.

¹⁷ Лега В.П. Философия Плотина и Патристика: взгляд с точки зрения современной православной апологетики. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002.

14. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 5-122.
15. Успенский Б.А. История и семиотика // Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 9-70.
16. Элиаде Мирча. Мифы, сновидения, мистерии / Мирча Элиаде. РефлСбук, 1996. 288 с.

References (transliteration):

1. Gadamer H.G. Gete i filosofiya // Filosofskaya i sotsiologicheskaya misl'. 1991. № 6. S. 77-93.
2. Gempel' K.G. Funktsiya obshchikh zakonov istorii // Voprosy filosofii. 1998. № 10. S. 80-95.
3. Gurevich A.Ya. Istorik kontsa XX veka v poiskakh metoda. Vstupitel'nye zamechaniya // Odissey. Chelovek v istorii. 1996: Istorik v poiskakh metoda. M.: Coda, 1996. S. 5-10.
4. Dmitrevskaya I.V. Tekst kak sistema. Ivanovo, 1985. S. 15.
5. Zhidkov V.S., Sokolov K.B. Desyat' vekov rossiyskoy mental'nosti: kartina mira i vlast'. SPb: Aleteyya, 2001. 640 s.
6. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy. M.: ACT, 2003. 365 s.
7. Lega V.P. Filosofiya Plotina i Patristika: vzglyad s tochki zreniya sovremennoy pravoslavnoy apologetiki. M.: Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo instituta, 2002.
8. Mamardashvili M. Kak ya ponimayu filosofiyu. / Merab Mamardashvili; sost. i obshch. red. Yu.P. Senokosova. [2-e izd., izlozhennoe i dop.]. M.: Progress, 1992. 416 s.
9. Nikiforov A.L. Spetsifika opisaniya v istorii i sotsial'nykh naukakh // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2010. № 3. S. 107-120.
10. Noveyshiyy filosofskiy slovar' / Sost. A. Gritsanov. Mn.: Izd. V.M. Skakun, 1998. 896 s.
11. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. M.: Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992. T. 1. 446 s.; T. 2. 525 s.
12. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy / I. Prigozhin, I. Stengers; [per. s angl. Yu. Danilova] / Red. V. Arshinova i dr. M.: Progress, 1986. 431 s.
13. Rorti R. Relyativizm: naydennoe i sdelannoe // Filosofskiy pragmatizm Richarda Rorti i rossiyskiy kontekst. M., 1997. S. 173-189.
14. Svas'yan K.A. Osval'd Shpengler i ego rekviem po Zapadu // Shpengler O. Zakat Evropy: Ocherki morfoloگii mirovoy istorii. T. 1. Geshtal't i deystvitel'nost'. M.: Mysl', 1993. S. 5-122.
15. Uspenskiy B.A. Istoriya i semiotika // Uspenskiy B.A. Izbrannyye trudy. M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. S. 9-70.
16. Eliade Mircha. Mify, snovideniya, misterii / Mircha Eliade. ReflSbuk, 1996. 288 s.